

Выпуск № 2

«Здравствуйте, г-н Рубинштейн!»

НА ПЛОЩАДИ перед Курским вокзалом было многолюдно. Рядами стояли экипажи, телеги, фуры, из которых тоскливо выглядывали ожидающие. Лихачи, подняв воротники тулупов и сбирая рукавицами изморозь с усов и бороды, безнадежно ждали пассажиров. Толпа укутанных по глаза людей самого разного толка — от крестьян и ремесленников до мелких чиновников и студентов, — постукивая валенками и сапогами, хмуро оживалась вокруг станции, глухо бормоча что-то и вопрошающе глядя на железнодорожников. Высокое железнодорожное начальство ходило надутое и неприступное. Оно тоже ничего не знало.

Ждали поезда. Но — каково? Несколько офицеров и солдат с винтовками ожидали состав с пленными турками. Представители комитета «Христианская помощь» поджидали особый санитарный поезд с ранеными. Многие артистически одетые люди (может, и впрямь артисты?) тоже ждали, но кого — никому из окружающих не было известно.

Поезда опаздывали. Громко объявляли о переносе времени их прибытия. Потом отменяли ранее объявленное, и снова переносили час, а то и день. А ведь это факт (весьма прискорбный, кстати, для двух высокопоставленных, особ), что санитарный поезд Азовско-Курской железной дороги со 104 больными и ранеными вместо 5 часов 40 минут утра пришел лишь в 4 часа дня. И все это время стояли около Курского вокзала засыпанные снегом роскошные экипажи. А в них зябли княгиня Е. С. Мещерская и княжна С. Н. Трубецкая. Зябли не для того, чтобы раздать раненым «российским солдатам-богатырям» кистеты с табаком и жесткие шарфы (это делают, кстати сказать, от их имени другие), но чтобы попасть в число героических русских женщин. Тех самых, которых воспел только что умерший Некрасов и которые некогда отправлялись в Сибирь, вслед за своими мужьями.

Но вот, наконец, с большим опозданием прибыл курьерский поезд. Из вагона первого класса вышел мужчина в мохнатой шубе и, оглядевшись, снял шапку. Открылся необыкновенно высокий и необыкновенно широкий лоб. Из-под низких, стремительно бровей глянул гордый и острый

взгляд. Мужчина потрогал рукой русые усы и улыбнулся. К нему бросились десятки людей — тех самых, артистически одетых. Откуда-то появились цветы. Один из встречающих прорвался вперед и широко, порусски обнял эго.

— Здравствуйте, г-н Рубинштейн! Мы так все за вас беспокоились, Николай Григорьевич!

Это Танеиз обнял своего учителя. Это Москва встречала своего кумира.

НИКОЛАЙ Рубинштейн — безусловно любил Москву. Он редко, очень редко покидал ее. А уехав, стремился вернуться как можно быстрее. Все главное в его большой и богатой жизни было связано с Москвой.

Он родился в Замоскворечье. Малолетним ребенком познакомился с Ференцем Листом и именно в Москве услышал от него добрые слова о своем таланте. Он окончил юридический факультет Московского университета (вот подсчитать бы: сколько знаменитых писателей, поэтов, художников, композиторов, актеров окончил почему-то именно юридический факультет?). Рубинштейн поднял «музыкальную целину» Москвы: создал московское отделение Русского музыкального общества, открыл общедоступные классы пения и теории музыки, основал и возглавил Московскую консерваторию.

Он любил Москву, и Москва платила ему такую же любовь. Вне Москвы он выступал редко и неохотно. Ходили слухи, что он способен совершить концертное турне, словно бы и не покидая города. В свое турне Рубинштейн уехал в середине декабря, надеясь вернуться в Москву спустя дней десять-двенадцать, к самому Новому году. Он обещал это своим многочисленным поклонникам. И не выполнил обещания. Не смог его выполнить.

Шла война. Она велась не на русской территории. Но весь транспорт был отдан ей. Сотни поездов везли с Балкан раненых русских солдат. Десятки поездов тащились от Пльвыны и Шипки с пленными турецкими офицерами. Сотни поездов шли им навстречу, оставляя новые и новые тысячи воинов в кипящий котел войны. А ведь еще были метели, заносы, аварии...

Три недели провел Николай Григорьевич в своем, как говорили тогда, «картине», — в путешествие, по, наконец, дошло до того,

три недели (а не два дня!) прожил он в тряском, гремящем, холодном вагоне. Редкие останки — как запланированные, так и внезапные, экспромтные, — Рубинштейн посвящал концертным выступлениям. Весь сбор с его концертов — весь, до копейки — шел в фонд общества Красного Креста. Новочеркасск и Полтава, Одесса и Киев, Елизаветград и Ростов-на-Дону, Таганрог, Курск, Воронеж... Где только не видела и не слушала его восторженная публика.

Новый год приближался удивительно быстро. Рубинштейн ждала Москва. А он сидел в Жмеринке среди пленных турок и русских солдат, ожидавших отправления на фронт. Он хотел сыграть им. Нашли даже роль, но не нашли подходящего помещения. Он уже смирился с участью «жмеринского военнопленного». Но поезд на Киев неожиданно тронулся. Как радовался этому Николай Григорьевич! Но, как обычно, радовался слишком рано. Прямо в вагоне, на ходу поезда, невдалеке от станции Казатин на Киево-Брестской дороге, встретил Рубинштейн свой новый, 1878 год.

Узнав об этом, один остроумный московский журналист сказал: «Он встретил Новый год в пути, пусть он его и проведет на пути помощи дорогим сынам Родины, хотя рельсовый путь и не единственный для такой цели».

— Мы так все за вас беспокоились, Николай Григорьевич, — говорил Танеиз, обнимая Рубинштейна на дебаркадере Курского вокзала. (Замечу в скобках, что многие сегодняшние слова имели сто лет назад иногда совсем иное значение. Дебаркадером тогда назывался перрон).

«Мы так все за вас беспокоились». И было из-за чего беспокоиться. Железные дороги тогда были весьма опасны. Когда еще Рубинштейн был в юго-западной Украине, друзья его с тревогой узнали о столкновении двух поездов на Брестско-Гаевской дороге, близ станции Лышцы. 17 вагонов всмятку! Погибло четверо и тяжело ранено шестеро, а также — пять лошадей из воинского состава. А когда Рубинштейн уже подъезжал к Москве, в газетах промелькнуло сообщение о катастрофе на Курско-Харьковской дороге, между Белгородом и станцией Веселая Лопань. Четыре вагона перевернулись и 12 человек было убито. Дело, наконец, дошло до того,

что — как писало «Агентство корреспонденций Мейна» — «ввиду несчастных случаев, повторяющихся в последнее время на железнодорожными поездами, вследствие утомления паровозной прислуги от чрезмерной работы, сонное и неповоротливое Министерство путей сообщения вынуждено было выработать специальные «Правила».

ДЛЯ Рубинштейна, впрочем, поездка окончилась благополучно. И Москва дождалась своего кумира. Английский клуб, членом которого был и Николай Григорьевич, встретил его «хлебом-солью». То бишь устроил грандиозный пир. Произносилось множество речей. Говорилось о том, что «создав и организовав на прочных началах Московскую консерваторию, он из ничего создал особый мир». Говорилось, что Рубинштейн «поднял эстетический уровень нашего общества». Что он, наконец, «своею неутомимостью и колоссальной памятью ставит в тупик самое смелое воображение».

Приводились примеры, назывались цифры. Я упомяну только о двух. За 18 лет Николай Григорьевич дал 222 концерта, каждый раз оставаясь на сцене один на один с публикой на протяжении двух с половиной часов. Для того времени это было удивительно! Представитель Красного Креста заявил, что концерты Рубинштейна дали обществу 32.000 рублей, из которых 9.000 составил сбор только за его последнее трехмесячное турне.

— Кто из миллионеров уделит такой процент своего богатства святому делу помощи раненым и больным воинам? — воскликнул оратор, обращаясь в зал. Зал аплодировал, нимало не смущаясь его речами. Зал состоял из только что упомянутых миллионеров.

А потом Рубинштейн дал свой первый после приезда концерт. Николай Григорьевич был утомлен. Он очень устал — от поездки, от концертов, от чествований. Но он сел к роялю, несмотря на протесты присутствующих. И заиграл. Он играл своих любимцев — Листа, Шопена, Чайковского, Шумана. А потом, уже в конце вечера, еле двигая онемевшими пальцами, сыграл своим слушателям — Рубинштейна. Ибо Николай Григорьевич был не только пианистом, дирижером, педагогом, музыкантом, общественным деятелем. Он был еще и композитором.

Е. МАРИН.